

АНДРЕЙ ХАРИТОНОВ:

Не чувствую себя баловнем судьбы

Кумир года. — 1996. — Забр. — С. 11

КУМИРЫ

Меняются время, художественный стиль, кинематографические ориентиры и экранные образы, но остаются герои, которых любят, чья профессиональная планка не подвержена конъюнктурным колебаниям. Андрей Харитонов никогда много не снимался, но каждая из его ролей оставалась в зрительской памяти. Не обойден вниманием и его режиссерский опыт — картина «Жажда страсти». Среди последних ролей Харитонова — работа в фильме Юрия Борисова «Мне скучно, бес...», где актер, ассоциирующийся у многих с романтическим героем, появился в неожиданном для себя образе.

- Вы говорили, что решение актера занять режиссурой часто связано с тем, что он в какой-то момент испытал на себе режиссерский диктат. Каковы еще мотивы перехода в новое амплуа?

— Что касается диктата, то, возможно, имелось в виду нечто обратное: был диктат, за которым ничего не стояло, а хотелось «что-то делать». Перед актером нужно поставить задачу, которую ему необходимо выполнить. Если же этой задачи нет, то я должен сам принимать решения — и не надо мешать мне в этом. Тогда и ощущается диктат, хотя на самом деле его нет. Решение заняться режиссурой было связано, скорее, с отсутствием материала, который мне был нужен в данный момент.

- То есть оказали влияние перемены в самом нашем кино?

— Когда я начинал, существовало то, что по крайней мере в моем понимании соответствовало понятию «кинематограф». Я попал не в хроникально-документальный реализм, иногда талантливый, иногда не очень, а в жанровый кинематограф, который всегда любил и будет любить зритель, и, кстати, казалось, что такое кино будет развиваться именно сейчас, а получилось все наоборот. Поддержка, в том числе и фестивальная, ориентируется на так называемое авторское кино в неправильном его понимании. Только оно считается искусством, а та продукция, которая интересна «потребителю», то есть зрителю, не престижна. Начав работу над своей картиной, я решил делать все самостоятельно: сам написал сценарий и, что называется, сам себе режиссер.

- Только роли для вас не оказались.

— В ансамбле, ориентированном на Анастасию Вертинскую, для меня, на мой взгляд, роли не было. Те артисты, которые заняты в фильме, сделали все, что было необходимо, и я счастлив, что они там работали.

- Все, кто писал о «Жажде страсти», первым делом отме-

чали заведомую нетипичность этого жанра для отечественного кино.

— В большинстве реплик звучало недоумение: «Надо же, нравится, хотя, по идее, и не должно бы...» Мы пытались попасть в то направление, которое как бы висело в воздухе. Позже мы увидели «Дракулу» Ф.Коппола, «Волка» М.Николса, тот жанр комикса, который балансирует на грани полного «fall» и своеобразного исследования правды. В западной печати тоже появлялись вопрошающие статьи о том, что именно фильмы ужасов идут первым экраном, в них снимаются суперзвезды. Я сам люблю триллеры, не считаю, что это плохой жанр. Общеизвестно, что фильмы ужасов — вид отдыха, снимающий стресс. У «Жажды страсти» был великолепный первоисточник — новелла Валерия Брюсова.

- Вам было интересно сниматься в, скажем так, спорном фильме Юрия Борисова «Мне скучно, бес...»?

— Свою последнюю роль в этой картине сыграл Олег Борисов — Мастер, потрясающий человек и артист, встреча с которым произвела глубочайшее впечатление. Мне было интересно, я такого не играл ни до того, ни после. Эта роль как раз имеет отношение к триллерам, — вампиры и тому подобное, а таких ролей у меня не было, — и к варьете, поскольку эта роль-антре. Мой персонаж — одна из ипостасей зла.

- У вас не возникло сопротивления, противопоставле-

ния собственных идей авторским?

— Никогда. Я считаю, что, если что-то не нравится, лучше сразу отказаться. У меня может быть масса идей, но так, как надо сделать в данном случае, решает автор. В моей самой любимой на сегодняшний день работе — фильме «Жизнь Клима Самгина», я ориентировался исключительно на Горького и благодарен Виктору Титову за то, что он дал мне эту возможность. Мое видение образа совпало с режиссерским, но опирался я только на текст. К сожалению, к моменту выхода картины зритель был не готов принять то, что со всех сторон призывали перечеркнуть. А делается все именно для зрителя, иначе это бессмысленно.

- Почему вы ушли из театра?

— Достаточно банальная ситуация: шел подготовительный период перед съемками моего фильма, который сложно было совмещать с репетициями. Мне предложили «выбрать», а для меня кино всегда было важнее. В театре мне сложно быть зрителем, подключиться к тому, что происходит, сопереживать: я вижу, условно говоря, картон, тяжелый труд, кровь и пот и наслаждаться этим не могу. Мы иначе воспринимаем бегущую пленку, кажется, что она не имеет отношения к чему-то рукотворному, чем является театр.

- Расскажите, пожалуйста, о вашем телевизионном опыте.

— Меня интересовал прежде всего сам процесс телевизионных съемок. На телевидении действуют иные законы, ориентация на другие ценности. Я работал режиссером программ «Фа-

брика грез», «Фильмы нашей памяти», автором которой является Клара Лучко, их смотрят, наверное, это уже результат. На самом деле интересно попробовать все возможности самовыражения и вообще все попробовать. Я разве что музыку не писал...

- А картины?

— Картины писал и вообще собирался поступать в архитектурный. Принято считать, что у нас в отличие от западной киноиндустрии не было системы «звезд». На самом деле она была, но носила номенклатурный характер. Если ты попадал в эту обойму, пусть случайно, то дальше тебя раскручивали. Производства «звезд» как такового не существовало, поэтому на поверхности оказывались действительно лучшие, и ценился все-таки талант, который в Голливуде можно было заменить той самой «фабрикой грез». Затем эта система рухнула. Артисты, особенно в кино, остались у разбитого корыта.

Профессиональная планка объективна, ее невозможно уронить, а то, что актеры снимаются в рекламе, — естественное требование времени. Сложнее всего молодому поколению, идущему после номенклатурных «звезд», — они находятся в информационном вакууме и остаются безымянными, а это неправильно — очень долго грызть гранит невозможно, нужно работать, поскольку многому нельзя научиться в теории.

- Вы часто отказываетесь от роли?

— Разве можно сейчас об этом говорить? Конечно, в свое время отказывался, когда был занят другой работой или по иным причинам, и не жалею об этом. Я всегда знал, что мои роли моими и останутся, никто их, кроме меня, играть не будет. Никогда много не снимался, но все, что играл, могу назвать без особого стыда. Того же «Человека-невидимку», которого нельзя назвать большим кинематографическим достижением, посмотрело огромное количество зрителей.

- У вас много поклонников, чувствуете ли вы оберегающую силу их положительных эмоций?

— На каждого доброжелательного человека находятся трое других с отрицательным зарядом. В жизни побеждает все-таки зло, не случайно везде, в том числе и в киноискусстве, проводят идею о необходимости доброты, о том, что оно должно одерживать верх — людям необходимо напоминать об этом. Я никогда не чувствовал себя баловнем судьбы, то, что делал, — делал честно, в меру своих сил. Не понимаю, когда говорят «это — моя жизнь», нет, это — работа, жизнь включает в себя иные, чисто человеческие аспекты. Ничего не падало с неба, а если и падало, то в конце концов все равно отлачивалось — отрабатывалось. Если мне кто-то помогал, то получал взамен мой труд. Наверное, это наиболее честный вид сделки.

Беседу вела
Нармин ШИРАЛИЕВА.

